

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ПАЛЕСТИНСКИЕ ОБИТЕЛИ И РОССИЯ

Часть 6

ОБИТЕЛЬ ПРЕПОДОБНОГО ХАРИТОНА ИСПОВЕДНИКА

Житие преп. Харитона

Преподобный Харитон был родом из Иконии (Малая Азия). В своем родном городе он пострадал во время гонений на христиан при императоре Аврелиане (270–275). (Римский император Аврелиан организовал девятую, предпоследнюю кампанию гонений на христиан в Римской империи в 274 году.) Когда начались гонения на христиан, св. Харитона схватили одним из первых, так как он был известен своей особой преданностью Господу. Правитель требовал от св. Харитона публично отказаться от своей веры и признать власть языческих богов. В «Житии св. Харитона Исповедника» говорится о тех мучениях, которым был подвергнут святой.: «Святого же так били по всему телу, что видны были и внутренности его; ибо мясо отпадало от костей, кровь лилась рекой, и все тело стало сплошной язвой».

Но это не сломило Харитона. Его бросили в темницу едва живого, но по промыслу Божьему смертельные раны затянулись, а вскоре его мучитель Аврелиан был убит. Его настигла кара за пролитие христианской крови. Следующий император, Тацит, боялся повторить судьбу своего предшественника и решил прекратить преследование христиан. Многие из них были выпущены на свободу и возвращены из изгнания. Вышел на волю и Харитон. Он очень скорбел, что не сподобился мученического венца и решил предать себя добровольному мученичеству, отречению от мира и от всего, что в мире. Однако, прежде чем удалиться в пустыню, он отправился в Иерусалим поклониться Гробу Господню.

О том, что произошло далее, пишет отечественный писатель-паломник А. Н. Муравьев (1830 г.): «Преп. Харитон посетил в преклонных летах Палестину и, странствуя по ее пустыням, схвачен был разбойниками около берегов Мертвого моря. Заключенный ими в дикий вертеп, он ожидал гибели; но дивное наказание постигло губителей. Гнездившийся в пещере змей, тайно утолив жажду свою из наполненного вином их сосуда, отравил напиток, и все они вкусили смерть. Тронутый чудным избавлением,

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

старец решился в том самом диком приюте посвятить себя Богу и тем положил основание первой и знаменитейшей лавре в Палестине, лавре Фарранской¹.

Предав погребению разбойников, преп. Харитон нашел в пещере множество золота, награбленного разбойниками. Большую часть этого золота он раздал нищим и бедным церквам, а на остаток построил на том месте обитель. Разбойничью пещеру он расширил, обратил в церковь и соединил ее с несколькими соседними². «Вскоре молва о святой его жизни привлекла к нему бесчисленных учеников, которые все стремились к нему в ущелья искать в них приюта от последних гонений на христианство, доверяясь молитве старца более, нежели стенам и замкам»³, — пишет А. Н. Муравьев. К нему стали стекаться жаждущие духовного окормления люди, ибо Харитон «имел в устах слово, солью премудрости приправленное». Преподобный Харитон завел в своей обители строжайший устав. Богослужение начиналось в полночь и продолжалось часто до полудня. Пищу братия вкушала единожды в день до заката солнца. В обычные дни пищу составляли только хлеб и вода, и лишь в праздники поставлялись вареные овощи⁴. Фаранская лавра стала первой монашеской обителью в Иудейской пустыне.

Слава о преподобном Харитоне росла с каждым днем, тем более что по молитвам его совершалось множество исцелений. Среди приходивших в лавру было немало важных сановников, ищущих мудрых советов, а св. Харитон желал лишь пребывать в безмолвии и уединении для непрестанной молитвы. Поэтому наладив жизнь обители, старец составил для нее устав и затем, поставив во главе лавры одного из подвижников ее, сам удалился в Иерихонскую пустыню, ища уединения для своего служения Богу⁵. Уходя из Фаранской лавры, преподобный Харитон оставил своим ученикам правила — своего рода устав — относительно пищи, псалмопения и других сторон жизни, из каковых правил известны: совет инокам есть только раз в день вечером — хлеб, соль и воду, требование неотлучного пребывания в монастыре и гостеприимства.

Предание ставит Харитона Исповедника в числе родоначальников Иерусалимского устава. Древнейшие из сохранившихся списков этого устава (XIII в.) увещают игумена «непреложно и неизменно соблюдать церковное последование, чин и устройство, как предано нам и узаконено бывшими до нас святыми отцами во святых их монастырях и лаврах, то есть Евфимием Великим, Саввой Освященным, Феодосием Кинновиархом, Герасимом Иорданским, Харитоном Исповедником и Кириаком отшельником». О том же говорит и святой Симеон Солунский: «Святой отец наш Савва начертал этот устав, приняв его от святых Евфимия и Феоктиста, а они приняли его от бывших прежде них и от исповедника Харитона». Высоко оценивая вклад преподобного Харитона в формирование Иерусалимского устава и развитие палестинского монашества, Типикон предусматривает совершение ему полиелейной службы, что редко встречается у святых Древней церкви.

По прошествии времени убежище св. Харитона было явлено миру, так как пришло для него время вновь послужить людям. Ученики нашли своего учителя, и вокруг св. Харитона опять стали собираться братья по вере. Они умолили старца, чтобы он позволил им спастись около него. Возникла новая обитель Иерихонская с тем же уставом, что и Фаранская. Как только все устроилось и наладилось, св. Харитон вновь почувствовал тягу к уединению для молитвенных трудов. И попрощавшись с братией и взяв свой посох, вновь ушел в пустыню. Вскоре прошел слух, что где-то за Вифлеемом св. Харитон обустраивает новую обитель — Суккийскую, или Старую, лавру.

¹ Муравьев А. Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году // Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей 1-й половины XIX века. М., 1995. С. 143.

² Серафим, епископ. Паломничество из Нью-Йорка в Святую Землю. Нью-Йорк, б/г. С. 147.

³ Муравьев А. Н. Указ. соч., С. 143–144.

⁴ Серафим, епископ. Указ. соч. С. 148.

⁵ Хитрово В. Н. Русские паломники Святой Земли. СПб., 1905. С. 239.

Несмотря на преклонный возраст, св. Харитон избрал для себя на этот раз самый трудный молитвенный подвиг — столпничество. Весьма вероятно, что жильем ему служила деревянная башня, которую пастухи используют для наблюдения за стадами. Вокруг были неприступные скалы, и воды поблизости не было, но по молитве святого из сухих камней забил источник. Теперь с высоты он как бы надзирал над всеми тремя основанными им обителями. Годы щадили св. Харитона, но в возрасте за 90 лет он почувствовал приближение смерти. Перед кончиной иноки трех обителей просили авву указать, в которой из них он желает быть погребенным, чтобы потом не было раздора между монашествующими. Преподобный Харитон избрал первую свою Фаранскую лавру, куда и собрались к его кончине иноки всех трех основанных им обителей. «Суккум, в окрестностях Мертвого моря, был его третьим приютом, только на краткое время безлюдным; ученики его стояли уже на страже около одинокой и неприступной его келии, иссеченной на вершине горы, — пишет А. Н. Муравьев. — Но когда в маститой старости почувствовал он близкую кончину, признательное его сердце не захотело себе другой могилы, кроме того места, где так чудно сохранило его провидение, благоволившее дать ему время усовершенствовать себя на земле. Едва дышащий, он был отведен учениками в первую обитель Фарранскую и там, успокоив ветхие свои члены в пещере, отошел на небо. С тех пор лавра Фарранская, освященная его прахом, сделалась матерью всех прочих обителей Палестины и рассадником иноческой жизни»⁶.

Преп. Харитон скончался около 350 года и был погребен в церкви, построенной на месте пещеры разбойников; мощей его в монастыре не сохранилось. Видимо, подвижник прозревал судьбу своих обителей. Лавра Иерихонская и Суккская прекратили через некоторое время свое существование, и от них даже развалин теперь не осталось⁷. Современник Антония Великого, преп. Харитон считается одним из основоположников православного монашества. Его память в Православной церкви совершается 28 сентября (11 октября), в Католической церкви — 28 сентября.

С Фаранской лаврой связано имя палестинского подвижника Евфимия Великого (377—477). В житии преп. Евфимия сказано, что он, поклонившись святым местам в Иерусалиме, пришел оттуда в лавру Фаран, «на шесть миль от города Иерусалима отстоящую». В другом месте того же жития читаем: «...лежит к востоку одно селение, отстоящее от лавры Фаран на 10 стадий и называющееся также Фараном. Думаю, прибавляет к сему Кирилл, писатель жития, что не оно получило наименование от лавры, но само дало ей»⁸.

Византийский писатель конца VI — начала VII века Иоанн Мосх подвизался в Иерусалиме и Иорданской пустыне, много путешествовал по разным монастырям и составил сборник повестей о благочестивых подвижниках под названием «Луг духовный». В «Духовном луге» Иоанн Мосх повествует, что в его время в лавре Фаранской жил некто авва Авксанон, которого, когда он заболел смертельно, перенесли в Иерусалим в патриаршую больницу. Когда же он скончался, то его перенесли в ту же Фаранскую лавру и там похоронили (гл. 41). В 44-й главе той же книги упоминается о затворнике, жившем на Елеонской горе, который, находясь в недоумении от случившегося с ним искушения, объявил о сем «на следующий день» авве Феодору, жившему в лавре Фаран⁹.

Иоанн Мосх воспоминает о современных ему старцах-подвижниках Фаранской лавры. По его свидетельству, игумен лавры Григорий в 569 году был возведен по воле

⁶ Муравьев А. Н. Указ. соч. С. 144.

⁷ Серафим, епископ. Указ. соч. С. 148.

⁸ Архимандрит Леонид (Кавелин). Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника а. Л-а. М., 1873. С. 402.

⁹ Там же. С. 403.

императора Юстиниана II на престол патриаршества Антиохийского (гл. 138). Той же лавры старца авву Косму-евнуха он изображает истинным монахом, православным, ревностным и весьма сведущим в Божественном Писании (гл. 39); авву Павла — мужем святым, прилежным в служении Богу, послушливым, постником, довольствовавшимся одной просфорой и стяжавшим такое умиление, что ежедневно проливал слезы, ни с кем не беседуя. Он вел такую жизнь 50 лет. Авву Авксанана называет мужем милосердным, безмолвным и постником, который вел такую строгую жизнь, что в четыре дня съедал лишь одну небольшую просфору, а иногда довольствовался ею и целую неделю. Упоминает также об авве Феодоре и авве Феофане как о мужах высокой духовной жизни, к которым ходили для исповедания своих помыслов и для духовных советов из других монастырей¹⁰.

Путь к обители преп. Харитона

«Лавра святого Харитона, отстоит от Иерусалима поприщ 8»¹¹, — сообщалось в «Проскинитарии» иеромонаха Арсения Каллуда (1670-е гг.). В 10 километрах к северо-востоку от Иерусалима начинается Фаранское ущелье, «впадающее» затем в ущелье Вади Кельт. Айн-Фара — означает в переводе «Мышиный источник». Трудно представить, как может соотноситься подобное название с мощным когда-то потоком Фара, проломившим себе путь в глубоком ущелье среди гигантских обломков скал. Теперь ложе потока совершенно высохло, так как вся вода отводится по трубам в Иерусалим¹². По пути из Иерусалима встречается селение Аната — древний Анафиф, родина пророка Иеремии¹³. Постепенно плодородная бурая почва сменяется каменистыми холмами, вдали синее Мертвое море и громоздятся голые скалы Иорданской пустыни.

В 1850 году к лавре преп. Харитона отправилась группа русских паломников, в числе которых был архимандрит Софония (Сокольский). В своей книге «Из дневника по службе на Востоке и Западе» (СПб., 1874) он описывает путь к древней обители, насыщая свое повествование бытовыми подробностями.

- Здесь где-то должна быть известная в древности пустыня: одни называют ее Фаран, а другие Фаре. Не знаешь ли ты ее? — спросил я одного из проводников.
- Знаю, отвечал он; она от нас не очень далеко. А на что она вам?
- Там была первая иноческий обитель, основанная преподобным Харитоном еще в третьем веке по Р. Х., и, следственно, более чем за XV веков до нашего времени.
- Знаю и это. Я там был.
- По какому случаю и когда?
- Прошедший год меня посылал туда, для отыскания следов этой обители, ваш земляк: забыл его по фамилии; такой высокий-высокий; он долго жил у нас в Патриархии, и все его знают.
- О, знаю, — сказал я, — А. Н. М-в?
- Так, так, он самый.

¹⁰ Архимандрит Леонид (Кавелин). Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника а. Л-а. М., 1873. С. 413.

¹¹ Арсений Каллуда, иером. Проскинитарий святых мест святого града Иерусалима (1679 г.). СПб., 1883. С. 59.

¹² Лисовой Николай. Указ. соч. С. 285.

¹³ В Анате был небольшой русский участок, принадлежавший Русской миссии; на нем интересны развалины древней церкви, вероятно, во имя пророка Иеремии.

— Так что же? Ты ездил туда и отыскал?
 — В первый раз ездил более суток и не отыскал, а во второй — нашел.
 — Итак, ты два раза был в этой пустыне. Откуда и по какой дороге туда надобно ехать?

— Да, пожалуй, можно и отселе; но прямой путь туда лежит от источника солнечного и идет по направлению к Фекоистским высотам. Но зачем вы спрашиваете? Не хотите ли туда съездить?

— Если бы можно без больших трудов и опасностей, то я бы очень не прочь от этого.

— Опасностей нет, но трудностей избежать нельзя, и по самому свойству этого пути и по времени дня и года. Поедемте, если хотите. Отселе не более двух часов, а может быть и менее, если ускорить езду.

Я колебался. Наконец, как бы воспрянув от утомления внутренней борьбой, я перекрестился и сказал: иду, господи¹⁴, — и тотчас же (было уже около 11 часов) отправился с путеводителем, в сопровождении неразлучного каваса Агупа, одного шейха и двух бедуинов, хорошо вооруженных.

Немало времени блудили мы в горах и дебрях по разным направлениям, то приостанавливаясь и посылая одного и двух, в виде соглядатаев, для удостоверения в безопасности пути, то ускоряя обыкновенный ход крепких арабских бегунов. Палящее полуденное солнце не раз заставляло меня озираться вспять, как жену Лотову, и спрашивать путеводителя: далеко ли еще?

— Недалеко, отвечал он каждый раз, и снова устремлялся то на каменистое темя горы, то в извилистую балку. Когда мы были в езде, жар, умеряемый движением воздуха, казался сноснее, но, когда приостанавливались, он был невыносим. Это был в собственном смысле зной, полуденный и палестинский, — зной сухой и палящий, — зной обдававший, по временам, как бы из жарко натопленной русской бани.

Было уже за половину первого, когда мы обогнули одну из гор, бывших на пути.

— Ну, слава Богу! сказал проводник, оборотившись ко мне и вздохнув широким вздохом; теперь у меня душа на месте.

— Что же такое? — спросил я.

— Теперь поездка наша не даром. Признаюсь, я начинал уже тревожиться. Потрудитесь взглянуть, сколько времени, как мы выехали от развалин хана?

— Около двух часов, сказал я, посмотрев на часы.

— Вот видите; времени уже немало, как мы странствуем по таким диким и безжизненным высотам и дебрям; между тем, доселе не видно было ни одного из признаков того места, куда едем.

— А теперь как?

— Теперь? А вот смотрите сюда. Видите эти две горы с белесоватыми вершинами; их разделяет та лощина, где стояла обитель.

— Так это уже недалеко?

— Если хотите, то недалеко, а то будет и далеко.

— Как так?

— Если хотите быть на самом месте, где подвизались отшельники, то надобно теперь взять вправо и сделать порядочный объезд постепенно углубляющимся оврагом; это будет не близко. Если же не хотите видеть подробно и лицом к лицу все то, что составляло обитель, а будете довольствоваться осмотром одной лишь местности, где жили подвижники, то это действительно недалеко.

— Пожалуйста, поскорее, сказал я. Зной меня душит. Притом же я не имею приязнания ни на археолога, ни на топографа. Я просто поклонник святых мест, и надеюсь, что останки святой обители одинаковое произведут во мне впечатление, посмотрю ли я на них издали, или вблизи.

¹⁴ Спутники мои большей частью были офицеры русского брига, на котором я ехал из Константинополя до Яффы и обратно (примеч. о. Софонии).

— Тем лучше, сказал мой Прокопий, и через пять-шесть минут мы стояли уже на вершине обрывистого холма, с которого видна была довольно просторная, и более длинная с избытком, чем широкая лощина.

— Вот место, сказал он, остановившись, где полагают обитель преподобного Харитона¹⁵.

В 1859 году путь к лавре преп. Харитония проделал архимандрит Леонид (Кавелин), начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме (1864—1865). Ему принадлежит наиболее полное описание пути к древней обители, озаглавленное «Поездка к развалинам Фаранской лавры преподобного Харитония».

По выезде из Анаты (которой мы достигли через $1\frac{1}{2}$ часа езды из Иерусалима), открылась перед нами возвышенная равнина; справа виднелись вертепы скал и через них взор достигал котловины Мертвого моря. Дорога наша, уклоняясь к востоку, шла около $\frac{3}{4}$ часа среди прекрасно обработанных полей, принадлежавших феллахам Анаты; влево, вдали, на скате противоположащих гор виднелась небольшая деревня Гизма. А через час езды по весьма удобной дороге, начался постепенный спуск по окраине небольшой лощины (*уади*) к потоку Фара. Через 1 часа езды надобно было сойти с лошаков, потому что тропа совершенно терялась между плитами дикого цвета, которыми как бы искусственно была устлана вся поверхность спуска; из расщелин местами пробивался зеленый мох, и между ними-то извивалась едва заметная стезя. Спустившись пешком на дно ущелья, мы увидели поток Фаран, тихо струившийся между огромными камнями, в рамке разнообразной зелени травы, тростника и благоухающих кустарников дикой мяты (лигурии); местами виднелись и дикорастущие фиговые деревья. В том месте, где мы спустились к потоку, он, вытекающий из ущелья с западной стороны, почти под прямым углом поворачивает на северо-восток, и, следуя этому направлению до слияния с Уади-Тувар, склоняется к востоку.

Оставив здесь лошаков и служителей, с приказанием следовать с одним из проводящих к верховью потока и расположившись там ожидать нас, мы в сопровождении каваса и двух анатотцев, пошли вдоль потока по правому его берегу, вниз по течению, желая осмотреть развалины, которые по моему соображению должны принадлежать селению Фаре или Фаран, давшему свое название знаменитой лавре. Довольно удобная стезка вилась по гладким береговым камням, стеснявшим течение потока, который, местами расширяясь, образовал довольно глубокие водоемы, или встречая непреодолимые препятствия, робко пробирался между каменными расщелинами, а иногда на некоторое время и вовсе терялся под землей. Выше нашей стези на скате береговой осыпи виднелись следы древних водопроводов и водохранилищ, местами обнажались устья прокладенных в земле каменных труб. Пройдя с четверть часа, мы перешли на противоположную сторону потока, в том месте, где впадало в него устье небольшого сухого потока. На мысу, образуемом этим соединением двух потоков, находится довольно просторный круглый холм, на котором видны развалины значительного поселения и между горами камней основание древней стены, сложенной из больших тесаных камней. Судя по расстоянию этих развалин от найденных нами позже следов лавры Фаранской, место это можно утвердительно признать за развалины селения *Фаре* или *Фаран*, давшего, по замечанию писателя жития Евфимиева, свое имя лавре и находившегося от нее в расстоянии 10 стадий (менее версты).

Осмотрев эти развалины, утомленные ездой и усиленным жаром (было уже более 9 часов), мы поспешили вернуться в свой стан, к верховью потока. Едва мы вступили в боковое ущелье, в котором скрывается верховье потока, как я был по-

¹⁵ Софония, епископ Туркестанский и Ташкентский. Из дневника по службе на Востоке и Западе. СПб., 1874. С. 146—150.

ражен суровым величием высящихся по обеим сторонам его скал, в которых повсюду виднелись устья недостижимых пещер, то природных, то, очевидно, искусственно иссеченных в скалах, с правильными отверстиями, служившими вместо дверей и окон. Чем далее подвигались мы вглубь ущелья, тем скалы становились выше и число пещер увеличивалось. Внизу у потока тоже встречались на каждом шагу признаки человеческой деятельности. Так, сперва пересекла нам дорогу арка водопровода, перекинутая с одного берега на другой, в виде моста, между двумя массивными камнями, правильно обделанными; недоставало лишь креста над аркой, чтобы вполне напомнить подобные же ворота, заграждавшие и открывавшие путь в ущелье перед монастырем преп. Антония Великого (в Египте), изображение которых хорошо сохранилось в моей памяти, и потому, увидав эту арку, я не мог скрыть радостного чувства, при мысли, что мы вступаем этой аркой в священную область Фаранской лавры. Через несколько саженей наше внимание привлекли следы древней мельницы, цилиндрически иссеченной в береговой скале. Обойдя ее, мы достигли наконец, не без труда, своего стана, расположившегося на площадке, составляющей дно древнего водохранилища, под сенью развесистого фигового дерева <...>

В том самом месте, на котором мы расположились для отдыха, с правой (южной) стороны потока на полого спускавшейся к его берегу земляной осыпи, покрытой грудой камней, высились отвесно обсеченные скалы в несколько десятков сажен вышины, темно-желтоватого цвета, и в них ясно обозначались семь правильно иссеченных (в один ряд) отверстий, очевидно служивших окнами и дверью большой пещеры. Недалеко от этой пещеры, вниз по течению потока на той же стороне, зияло устье другой большой пещеры, а над ней в скале видно было несколько окон — признаки внутренних пещер. Противоположная (северная) сторона потока представляла почти такой же вид: отвесно обсеченные и как бы выровненные и выполированные с лицевой стороны скалы были изрыты пещерами там и сям, на разной высоте, иссеченными в камнях; у некоторых пещер еще заметны были следы искусственных передовых стенок, напоминавших лучше других сохранившуюся пещеру, в Плачевной юдоли, преп. Иоанна Молчальника. Словом, все вокруг нас ясно говорило не только сердцу, но и глазам, что Бог благословил полным успехом наше желание, и мы находимся на самом месте знаменитой лавры Фаранской великого Харитония, основанной для всех палестинских обитателей. Спросив одного из провожатых, что означают виденные нами высоко в скале семь отверстий, я получил в ответ, что там «большая пещера». Более мне ничего не было нужно; я не сомневался, что это та самая пещера, в которой в память сего чудесного избавления от смерти преп. Харитон устроил церковь, послужившую началом сей лавры¹⁶.

Отечественный палестиновед В. Н. Хитрово так описывает дорогу из Иерусалима до Фаранской обители: «Мимо полуночной городской стены прошли мы у восточного ее угла, оставив вправо Гефсиманию, гору Елеонскую и Галилею, повернули налево и стали спускаться к потоку Кедрскому, который в этом месте неглубок, так как начинается невдале отсюда на западе. Перейдя его, стали вновь подниматься на гору. С вершины ее виден весь город; вид прекрасный. Далее пошли уже по возвышенности и через час дошли до селения Аната, древний Анатот, место рождения пророка Иеремии. Отсюда на восток видна часть Мертвого моря. От Анаты спустились в долину, опять поднялись на гору и с нее вновь спустились в долину, где бежит источник. Называется же эта долина Фара. Повернули направо по берегу источника и не более как в час достигли развалин Фаранской обители»¹⁷.

Вот еще одно описание пути к древней обители (1863 г.): «К Харитоньевским пещерам ведет сначала долина Ортас (Уади-Ортас). Сады исчезают, ключей нигде нет.

¹⁶ Архимандрит Леонид (Кавелин). Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника а. Л-а. М., 1873. С. 405–408.

¹⁷ Хитрово В. Н. К животворящему Гробу Господню. М., 2003. С. 145.

Кругом дикие скалы. Через час пересекаете дорогу от Вифлеема в Текую, а потом идете направо ущельем. Является поперечный хребет гор, перевалась за который спускаются к месту, которое арабы зовут *Харитун*, что значит „Харитон“ — имя данное, по всем вероятностям, св. Харитонием, который здесь схимился и основал монастырь. Вы подъезжаете прежде всего к огромной цистерне: четырехугольному зданию, с террасой, куда взбираются совсем с лошадьми. Тут — маленький отдых. Лошадей препоручают бедуинам, и отправляются пешком на гору вправо. В одном ее пункте, над обрывом скал, выступает довольно обширная площадка, образовавшаяся первоначально сама собою от природы, но после распространенная человеком. Посредине ее есть какая-то высечка, служившая, вероятно, сбором воды, которая каплет сквозь утесы.

С площадки поднимаются снова кверху, зигзагом, перелезают через огромные камни, не слишком комфортабельно (для дам это путешествие невозможно) — и подходят к отверстию в скалах, в роде правильной двери. Это-то и есть *Харитоньевские пещеры*¹⁸.

Со временем упоминание о монастыре преп. Харитона появилось в «Путеводителе по святым местам града Иерусалима» (Одесса, 1908): «На юг от Вифлеема обращает внимание путников еще „Иродион“ или по-арабски „маленький рай“ Фурейдис, — это гора, имеющая вид усеченного конуса. Вершина горы, составляющая площадь в 750 футов, окружена развалинами крепости с четырьмя в разных местах круглыми башнями. В башне, что на востоке, есть цистерна. По преданию, это место, где Ирод Великий построил крепость и город Иродион, который был настолько значителен, что впоследствии одна из десяти областей иудейских стала называться Иродион»¹⁹.

Арсений (Изотов), епископ Сухумский, добавляет: «Здесь впоследствии крестоносцы построили укрепление, гарнизон которого долго держался даже после завоевания Иерусалима сарацинами. Когда же нельзя было оставаться более, то христианские воины все переселились отсюда в Ливанские горы, где и остались на жительство; их потомство известно под названием маронитов, придерживающихся Римской Церкви. В 1860 году большая часть этих сирийских католиков возвратилась в лоно Православной Церкви»²⁰.

«На юго-восток от Иродиона тянется долина, постепенно суживающаяся в глубину и образующая глубокое ущелье, по обеим сторонам коего нависли обрывистые скалы. Ущелье это у туземцев зовется „долина Харитонова“ Вади эль-Харитун. На южной стороне ущелья видны значительные развалины четырехугольной башни, видимой с высоты Иродиона. В правом, обрывистом боку ущелья пещера, вход в которую крайне неудобный и труднопроходимый. Греки и арабы называют эту пещеру „пещерой аввы Харитона“, а европейские путешественники прозвали ее „лабиринтная“ по множеству узких проходов, переходов и склепов»²¹.

«...Дорога к Айн-Фаре и сейчас, как во времена о. Леонида (Кавелина), ведет через гору Скопус и далее проселком мимо трех водокачек, подающих фаранскую воду в Иерусалим. Дорога кончается у последней водокачки вскоре за селением Аната, дальше надо идти пешком по горной тропинке в открывающееся ущелье. Тропинка подводит к отвесной стене, высотой в 50 метров, у подножья которой огорожено невысокими стенами Русское место. За стенами сад, посаженный по уступам, образовавшимся на древних развалинах. Сразу у входа видны руины древней византийской церкви, с характерными обломками колонн. Вправо, к обрыву, подземная гробница —

¹⁸ Н. Б. Путеводитель по Иерусалиму. СПб., 1863. С. 191.

¹⁹ Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 176.

²⁰ Арсений (Изотов), епископ Сухумский. Святой град Иерусалим и другие святые места Палестины. СПб., 1896. С. 167.

²¹ Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 177.

место погребения преп. Харитона. Внутри, над надгробием, горит перед иконой неугасимая лампада»²².

Упадок обители и ее возрождение

Когда православные монастыри Палестины запустели — в результате персидских, арабских и сельджукских нашествий, — та же участь постигла и Фаранскую лавру. В XIX веке здесь не было ничего, кроме пустых глазниц прежних келий-пещер и осыпавшихся развалин.

В 1850 году перед русскими паломниками, в числе которых был архимандрит Софония (Сокольский), здесь предстала такая картина.

Пункт, на котором мы стояли, не представлял никакой возможности подробно всмотреться в следы бывшего тут некогда жилища, тем паче, точнее определить его характер. Все, что представилось мне с первого раза, это была в собственном смысле дикая безжизненная, глухая и необитаемая десь, с несколькими логовищами для шакалов и гиен. Но, присматриваясь далее, я увидел, что лощина была как бы окаймлена с двух противоположных сторон полуотвесными, каменистыми стенами, по коим, в разных местах и на разной высоте, видны были разнообразные отверстия, служащие устьем пещер. С правой стороны выказывалась, более чем до половины, пещера под нависшей скалой с обширным входом.

— Не это ли была, спросил я, та пещера, в которой первоначально жили разбойники, и которая потом обращена была святым исповедником в церковь?

— Эта самая. Жалко, что отसेле не видно другой ее половины. Там довольно видны следы устройства церковного.

— Значит, тут сокрыты были и св. мощи преподобного основателя обители?

— Тут; но говорят, что они перенесены были потом в другую обитель, которая называлась древней лаврой.

— Это все равно. Дело в том, что здесь он начал, здесь и окончил подвижнический труд свой. Но кроме этой пещеры, служившей церковью, должна быть тут другая, которую один из наших богомольцев, посещавший Палестину еще в XII столетии, называет усыпальницей. В его время, там покоилось, по его словам, более пятисот угодников Божиих, и в числе их почивал нетленно преподобный Кириак исповедник и другие²³.

— Без всякого сомнения, усыпальница, была, и думать должно, что она находилась выше, по направлению оврага, где на возвышении и по сие время есть пещера довольно большая и непохожая на обыкновенные жилые. Только теперь едва ли там есть что-нибудь. Я сам в ней не был, но слышал от многих, что в ней давно уже нет ничего.

— Не дивно. Семь веков, не семь дней. В продолжении столького времени много могло произойти разных изменений не в пещере лишь одной, но и во всей десь.

Вслед за тем, я отступил немного далее и стал про себя молиться, углубляясь в смысл и значение тропаря угоднику: «Слез твоих теченьми пустыни бесплодное возделал еси»²⁴.

В 1857 году лавру Св. Харитона посетил русский паломник Виктор Каминский. Его описание этой обители — одно из первых в отечественном палестиноведении и по-

²² Лисовой Николай. Указ. соч. С. 287.

²³ «В той же усыпальнице лежат святые отцы в теле, яко живи, ту бо их лежит более 500; тут лежит св. Кириак исповедник» (Путешествие игумена Даниила, 1106 г.).

²⁴ Софония, епископ Туркестанский и Ташкентский. Из дневника по службе на Востоке и Западе. СПб., 1874. С. 150–151.

этому представляет особый интерес. «Пройдя от Вифлеема два часа пути то между горами, то по долинам, вблизи шатров тамаритов, я дошел до пределов лавры св. Харитония, — пишет Виктор Каминский. — Перед ней, как и перед обителью Саввы Освященного, в пустынных дебрях, идущих на восток и север, рассеяны дикие жилища бывших подвижников. Три пункта, как три угла тупоугольного треугольника, составляют главные части бывшей знаменитой лавры. В тупом углу в начале, дождевой колодезь, в самых больших размерах; влево от него, над оврагом, большие остатки храма и келий; а вправо — тропинка, порой довольно трудная, по скату крутого берега, доводит до другого жилища отшельников. Это самая сложная пещера в каменной горе кварцевой породы. Здесь искусственного ничего нет; но природа показала такое искусство в создании подземного лабиринта, что приводит в изумление своей необыкновенной игрой.

Обходить этот лабиринт можно не иначе, как только посредством *ариадниной нити*, — длиной, по крайней мере, в тысячу сажен, или же при помощи бедуина, который знает это место несколько десятков лет. Идешь сначала узким природным коридором; приходишь в обширный высокий вертеп, где есть природные седалища, а в стенах — такие же ниши, идущие вглубь, и как будто служившие могилами. Далее видишь, в стороне, отдельную пещеру, созданную природой для кельи. От большого вертепа в разные стороны идут узкие пещеры; которую из них ни изберешь, придешь опять в большой подземный покой, который мог служить храмом; от этого покоя идут подземелья далее и ведут в другие храмины. Нигде не видно никаких искусственных предметов; стены выглажены временем, а пол как будто выметен людьми; воздух в пещерах довольно чистый»²⁵.

Архимандрит Леонид (Кавелин), обозревавший лавру преп. Харитона два года спустя (1859 г.), в своих записках приводит наиболее полное описание увиденного.

Не без труда взобрались мы к подножию отвесных скал по земляной осыпи, тянувшейся вверх от самого берега потока. Осыпь эта образовалась из развалин, пристроенных некогда на скале монастырских зданий, чему ясным доказательством служат как самые камни по ней разбросанные, так и куски найденной нами мозаики, не только простой, но и цветной, вероятно украшавшей церковный помост. Поднявшись наконец на самый верх осыпи, мы очутились на небольшой площадке: над нашими головами висел выдавшийся из скалы каменный навес; в восточном углу было проделано круглое цилиндрическое отверстие, в котором виднелось несколько скользких ступеней или уступов для подъема наверх. Для достижения этого отверстия было приложено к подошве скалы несколько больших камней; наш провожатый араб вскочил с них в отверстие с ловкостью и быстротой газели, но нам нельзя было попасть туда иначе, как доверяясь его ловкости и силе мускулов, потому что, и став на упомянутые камни, головы наши не достигали начала отверстия. Предприятие было очевидно не совсем безопасно, но быть так близко к цели и отказаться от ее достижения не хотелось. Кстати к нам подоспел еще один из провожатых. Скинув для облегчения себя обувь, мы с одним спутником решились, призвав на помощь преп. Харитона, во что бы то ни стало подняться в его пещеру. Цель эта была достигнута нами поодиночке следующим способом: взобравшись на каменные приступки и доверив обе руки арабу, утвердившемуся кое-как в цилиндрическом отверстии на его скользких зарубках, мы поднялись с приступок на плечи стоявшего внизу близ них другого араба, а оттуда спешили утвердиться коленами на первом уступе отверстия. В это самое время сидевший в нем араб, не выпуская наших рук, сам ловко поднимался к вершине отверстия и, утвердившись там, втаскивал нас за собой на верхнюю площадку, давая нам время опираться на уступы отверстия. Этим способом сперва взобрался наверх мой спутник и, осмотрев пещеру, стал было переда-

²⁵ Каминский Виктор. Воспоминания поклонника Святого Гроба. СПб., 1859. С. 518—519.

вать мне сверху о ее внутреннем расположении, но вместо того, чтобы отвлечь меня этим рассказом от небезопасного подъема, только усилил мое любопытство и через несколько минут я благополучно поднялся наверх.

По выходе из отверстия, я очутился на площадке в полсажени ширины и несколько сажен длины. По внутренней окраине этой площадки у подошвы скалы шла каменная лестница о 6 или 7 ступенях, которая привела к двери, иссеченной в скале. Эта дверь ввела меня в пещеру, правильно обделанную в виде комнаты в 5 ½ шагов длины и 4 ширины, вышиной в обыкновенный человеческий рост, на стенах которой заметны следы штукатурки. Рядом с этой комнатой с левой (восточной) стороны расположены еще два отделения (комнаты), а с правой (западной) одно. Все эти четыре отделения пещеры сообщаются между собой посредством дверей, правильно иссеченных в разделяющих их стенках. Второе отделение пещеры (на левой стороне от входа) длиной в 6, шириной, так же как и первое, в 4 шага. В юго-восточном углу этого отделения сделана ниша в роде жертвенника треугольной формы; основание треугольника примыкает к задней (южной) стене отделения; вершина касается стены, разделяющей два смежных отделения; а бока обращены в оба отделения пещеры, так что поверхность этого треугольного возвышения могла служить одной половиной своей престолом, а другой жертвенником бывшего здесь по всей вероятности придельного храма. Это второе отделение пещеры освещается одним окном на север (к потоку); другая дверь его ведет в третье отделение пещеры (крайнее на восток) длиной в 8, шириной в 5 шагов, два окна на севере; бывшая между ними перемычка выломана. Крайнее западное отделение — самое большое из четырех отделений пещеры, в длину 12, а в ширину 10 шагов, в высоту более несколько человеческого роста, освещается тремя окнами, также обращенными на поток. В восточной стене две ниши, из коих одна указывает на бывшее горнее место, а другая с правой стороны служила или жертвенником или для разведения огня; видны следы и штукатурки, а на западной стене в углу начертано изображение креста, вероятно, кем-либо из позднейших случайных посетителей. Стены и потолок всех 4-х пещерных отделений закопчены дымом, вероятно от укрывающихся здесь по временам пастухов.

Из всех отделений пещеры последнее, по своей обширности и другим признакам (две ниши на восточной стене), всего вероятнее могло служить церковью; в крайнем восточном отделе могла храниться ризница, а два средних если не составляли придельной церкви, то, будучи украшены фресками, служили для стояния лаврской братии во время церковных собраний. Наше предположение о том, что западное отделение этой пещеры служило церковью, подтверждается еще и тем, что у северной стены оно, в полу проделан спуск в усыпальницу, находящуюся как раз под этим отделением. Пропев в бывшей церкви тропарь преп. Харитону, мы захотели проникнуть в его усыпальницу. В усыпальнице видны несколько человеческих костей; над входом в нее растет куст благоуханной травы, почти совершенно покрывая и как бы оберегая собою вход. Это небольшая овального вида пещера, в 1 сажень ширины и в 1 ½ сажени глубины, обмазана глиной, очевидно, в последнее время; боковые ниши, служившие входом в отдельные погребальные пещеры, закладены. Здесь-то, по всей вероятности, покоится преп. Харитоний среди сонма духовных чад своих. Ибо, как видно из жития его, достигнув глубокой старости в пещере близ лавры Сукка, основанной им неподалеку от развалин Фекуи, и чувствуя приближение своей кончины, на вопрос братии: где он завещает погребсти себя по преставлении, смиренномудрый старец отвечал им: «дадите персть персти, где хотите, Господня бо земля и исполнение ея». Они же отвечали: «Нет, отче, ты устроил три обители (лавру Фаранскую, Иерихонскую и Суккскую) и собрал в них три стада; каждое желало бы иметь у себя твои мощи, а потому, чтобы не вышло между нами через это распри, ныне завещай, где положить твои мощи». Он же, исполняя их желание, завещал погребсти себя в первом своем монастыре в той пещере, где он был взят разбойниками и чудесно избавился от них благодатию Божью, а, следовательно, в пещерной церкви Фаранской лавры.

С благоговением облобызали мы вход в эту усыпальницу, послужившую местом упокоения стольким святым мужам и промыслительно ограждаемую через столько веков самой недоступностью места. Сорвав на память себе от куста благоухающей травы, мы еще раз пропели тропарь преп. Харитону: «Слез твоих теченьми пустыни неплодное возделал еси», и не без труда спустились обратно тем же способом на нижнюю площадку. Здесь мы осмотрели находящуюся на этой площадке цистерну (для стока в нее дождевой воды с вершины скал, искусно иссечена вдоль всего утеса небольшая ложбина, приметная лишь вблизи), а отсюда пошли вправо для осмотра другой большой пещеры, находившейся в отношении первой в нижнем ярусе береговой скалы. На пути к ней нам пришлось проходить под сенью большого навеса, образовавшегося выдавшимся из скал слоем гладких камней. Верхняя площадка этого природного навеса очевидно служила прежде выспренной стезею для отшельников бывшей лавры. Пещера, которой мы достигли, имела 10 шагов ширины и 20 длины, вышиной в два человеческих роста; стены не обделаны, а задняя (южная) стена состоит из громоздящихся один на другом камней и глыб, в расщелинах которых видны полуобрушившиеся ходы в верхний ярус пещер, существование которых снаружи обличает несколько малых оконцев, обращенных на поток. В противоположность верхней пещере, воздух которой легок и приятен, нижняя вся пропитана удушливыми миазмами и закопчена дымом, ибо служит приютом от летнего зноя и зимнего холода пасущимся здесь стадам. Вероятно, и во время существования лавры она служила для подобных же назначений, о чем можно заключить по ее огромности и стенам, оставшимся в своем природном виде. На северной стороне потока, в скалах немало также пещер, из которых одна привлекает особое внимание, напоминая своим внешним видом и положением пещеру преп. Иоанна Молчальника, в Плачевной юдоли. К ней ведет снизу крутая стезя, сперва по земляной осыпи, а потом по иссеченным в живой скале ступеням. Но до самого устья пещеры достигнуть без помощи лестницы нельзя, посему мы и отложили это до одного из будущих посещений²⁶.

В «Путеводителе по Иерусалиму» (СПб., 1863) даются практические советы тем паломникам, которые откажутся проникнуть в труднодоступные харитоньевские пещеры: «Надо оставить лишнюю одежду и, взяв побольше народу со свечами, отдать кому-нибудь из оставшихся снаружи конец веревки, и идти, а потом, где случится, ползти по прихотливым галереям, устроенным природой. Куча народу, взятая вами, помогает спускаться в иные залы, где сход крайне затруднителен, а иногда, для европейца, и вовсе невозможен. Бедуины, в ином месте, распластываются по пещере живыми ступенями и передают вас из рук в руки, по воздуху. Неправильные комнаты, или залы, самой прихотливой формы, — весьма неравны между собой. Есть аршин в 30—40 длиной на 10 и 15 ширины. Цвет стен везде одинаков: желтый, песчаный. Карандаш пишет по ним, как по известке. Земля под ногами постоянно покрыта слоем пыли. Воздух несколько тяжел. Вполне эти пещеры еще не исследованы никем.

<...> Разумеется, можно брать с собой и не так много народу, двух-трех человек, и проникать в пещеры не так далеко. Это обойдется дешевле. Бедуины-тамариты, владеющие этими местами, народ довольно смирный. Иной раз, если вы им представитесь человеком богатым, они устроят для вас, на полпути к пещере, на том выступе, где каплет сверху вода, особую бедуинскую пляску, с саблей в руке; сыграют на рабабе (инструмент в роде самой жалкой скрипки) и будут все время палить из ружей»²⁷.

Сменивший о. Леонида (Кавелина) следующий начальник Русской духовной миссии, архимандрит Антонин (Капустин) в 80-х годах XIX столетия пытался купить это

²⁶ Архимандрит Леонид (Кавелин). Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника а. Л-а. М., 1873. С. 408—412.

²⁷ Н. Б. Путеводитель по Иерусалиму. СПб., 1863. С. 191—193.

место. В октябре 1871 года он совершил литургию в древней пещере на переносном антиминоссе, о чем долгое время сохранялась надпись на восточной стене пещеры²⁸.

В. Н. Хитрово так описывает тогдашнее состояние Фаранской обители: «От нее остались лишь пещеры, высеченные в скалах по обеим сторонам протока, а недалеко, пониже от пещеры, перекинут через проток древний каменный водопровод, теперь испорченный. Ступеней в пещеру совсем не было видно, и мы по обвалившимся камням полезли наверх; на площадку же перед самой пещерой мы взобрались так: отец Паисий взлез ко мне на плечи и оттуда всполз на площадку, потом взлез ко мне на плечи Корней, а отец Паисий, укрепившись на площадке, протянул ему руки и втащил его, а напоследок оба спустили мне пояс, за который я уцепился, и так втащили они меня наверх. С площадки несколько ступеней ведут в пещеру, которая состоит из 4-х комнат. Направо от входа самая большая пещера служила, вероятно, церковью, а на полудночной ее стороне спуск в подземелье, которое, вероятно, служило братской усыпальницей и здесь было положено тело преподобного Харитония, основателя обители. Помолившись угоднику Божию, вышли мы опять назад на площадку и спустились с нее обратно: сперва по поясу спустили меня, а потом остальные слезали ко мне на плечи»²⁹.

Через несколько дней В. Н. Хитрово снова посетил обитель преп. Харитона. В своих заметках он приводит некоторые подробности, дополняя свои прежние записи: «На том месте, где стояла основанная преподобным Харитоном старая лавра, осталось еще подобие ворот, которые вели во внутренность ее. Тут же вблизи и источник, испрошенный его молитвами, течет донныне. Отсюда по скользкой стезжке над кручей подымаешься на противоположную гору и в середине ее обширная пещера сперва идет узким проходом, а потом расширяется в обширную высокую пещеру, кругом которой в камне высечены как бы седалища или ложа. От нее во все стороны идут подземные проходы, только мы по ним не ходили, потому что боялись в них затеряться»³⁰.

К началу XX века Фаранская лавра начала превращаться в развалины. Узнали про это русские монахи афонские из Крестовоздвиженской обители, выделили из своей среды несколько монахов и отправили их в Палестину откупить Фаранскую лавру и восстановить в ней монашеское житие.

Эти монахи были выходцами из афонской Крестовоздвиженской кельи, принадлежавшей монастырю Каракал. Келья и сегодня находится на холме, на восточном склоне Афона, в лучшем месте ходьбы от моря. В середине XIX века келья была населена и восстановлена русскими монахами. В 1894 году ее возглавил иеросхимонах Пантелеимон (Важенко), уроженец Курской губернии и ученик афонского старца Хаджи-Георгия. На рубеже веков многие русские общины на Афоне стремились приобрести себе подворья вне Афона. Крестовая келья к тому же не вмещала все растущее число братии. В 1900 году о. Пантелеимон создал подворье своей кельи в Константинополе. Затем, с благословения Антиохийского патриарха, его монахи занялись возрождением монастыря св. пророка Илии под Бейрутом, в Ливане: скоро в монастыре было уже 40 русских монахов. Братия самой Крестовоздвиженской кельи к 1913 году составляла около 70 человек³¹.

В 1903 году остатки Фаранской лавры, при активной помощи российского генерального консула в Иерусалиме А. Г. Яковлева³², были приобретены у местных арабов

²⁸ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 286.

²⁹ Хитрово В. Н. К животворящему Гробу Господню. М., 2003. С. 145–146.

³⁰ Там же. С. 156.

³¹ Занемонец Александр, диакон. Русские на Святой Земле. Иерусалим, 2015. С. 148.

³² Яковлев Александр Гаврилович (1854–1909), управляющий Российским Генеральным Консульством в Иерусалиме (1894–1895), генконсул (1897–1907). Еще до своего назначения по просьбе се-

в собственность иеросхимонахом Пантелеимоном, настоятелем русской Афонской обители Воздвижения Честного Креста. Покупка Эйн-Фары афонитами стала попыткой распространить русское монашеское движение на Святую Землю, но без непосредственной зависимости от Иерусалимского патриархата или Русской духовной миссии. Участок с развалинами древнего монастыря был приобретен у араба-мусульманина на имя «Дмитрия Афанасьевича Попова, российского подданного». Позже Д. А. Попов принял постриг и стал о. Досифеем. Помогал в оформлении покупки российский консул А. Г. Яковлев. Он писал в Константинополь русскому послу: «В декабре Патриарх [Дамиан] очень дружелюбно отнесся к покупке, и имульхаберы [временные владенные акты] были получены 30 декабря»³³.

Русские иноки восстановили и отстроили монастырь. Отец Пантелеимон мечтал основать здесь общежительную пустынь с афонским уставом под названием «Фаранская пустынь преп. Харитона Исповедника и святителя Алексия, митрополита Московского, в молитвенное воспоминание „Надежды России“ — наследника Всероссийского Престола государя цесаревича Алексея Николаевича»³⁴.

Благое дело, задуманное русскими иноками, неожиданно вызвало сильнейшее сопротивление Иерусалимской патриархии, заявившей, что все св. места в Палестине должны принадлежать ей. И это при том, что до приобретения участка в Айн-Фаре русскими греческие православные археологи даже не знали, что это — развалины лавры Харитона! Конечно, все эти храмы и монастыри в древности были частью Иерусалимской церкви, но юридически их развалины давно не имели к ней отношения, поэтому в русском консульстве к требованию патриарха не могли отнестись всерьез. А. Г. Яковлев писал об этом в Константинополь: «Латиняне и протестанты, поддерживаемые своими консулами, продолжают покупать здесь огромные участки. Патриархия, не имея права мешать им, не протестует. Она старается мешать только русским. Благоразумно ли?..»³⁵

В феврале 1904 года Патриарх Дамиан выразил свой протест Русскому Генконсульству с требованием прекращения восстановительных работ, удаления русских монахов и аннулирования сделки. Дело дошло до того, что летом того же года на Фару прибыли драгоманы и монахи патриархии в сопровождении вооруженных феллахов-мусульман. Протесты направлялись и губернатору Иерусалима, и в Константинополь³⁶.

Началась долгая, упорная тяжба, в ходе которой патриарх пытался даже прибегнуть к давлению германского кайзера. Как сообщалось в секретной депеше русского посла в Константинополе от 11 ноября 1904 года, «германский посол представил султану записку, в коей указывает на незаконные происки русских, направленные к усилению их влияния в этой стране. Русские, ввиду их намерения основать монастырь в местности Айн-Фар, могут впоследствии причинить большие затруднения и неприятности. Султан повелел передать германскому послу, что надлежащие указания по этому вопросу им уже даны»³⁷.

кретаря ИППО организовал копирование владельческих документов на русские участки в Святой Земле для оформления российского владения через султанскую канцелярию. Будучи генконсулом, последовательно отстаивал интересы России и православия в Вифлееме, Гефсимании, на Сионе, в Фаранской лавре и др.

³³ Цит. по: Занемонец Александр, диакон. Указ. соч. С. 149.

³⁴ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 286.

³⁵ Цит. по: Занемонец Александр, диакон. Указ. соч. С. 150.

³⁶ Маркиан (Попов), иером. Путешествие в Палестину, на Афон и по России в 1911 году // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1. 2012. С. 225, примеч. 31.

³⁷ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 286—287.

Около 1909 года было решено, что собственность остается за русскими, но монашеская община вверяется в духовное окормление Русской миссии и больше не является частью афонского монашества. Предполагалось, что устав новой обители будет «сходен с порядками жизни в Елеонской женской общине, пользующейся внутренней самостоятельностью и существующей на свои средства, и лишь духовно подчиненной начальнику Духовной Миссии в Иерусалиме, но существенно отличается от положения Горненской общины, которая, будучи крайне бедной, содержится самой духовной Миссией, от коей всецело и зависит»³⁸.

В то время в Фаранской пустыни, как ее обычно называли, было около 15 братии из Крестовой афонской кельи. Так на Святой Земле возник русский мужской монастырь. Как докладывал в русский Синод иеросхимонах Пантелеимон, «в числе пещер Фаранской обители есть одна, в которой сохранились остатки фресок и гробница преп. Харитона, а также следы св. Престола и жертвенника, откуда следует заключить, что пещера эта служила храмом обители. В этой же пещере имеется и надпись о том, что в 1871 году здесь совершал Божественную литургию о. Антонин, покойный архимандрит русской Духовной Миссии в Палестине». Оказывается, о. Антонин тоже успел обратить внимание на это место еще до того, как приобрел участки для русских монастырей³⁹.

В 1908 году лавру преп. Харитона посетил иеромонах Серафим, прибывший в Палестину из далекого Пермского края. «В 10 верстах от Иерусалима находится местность под названием „Фары“, где обнаружены развалины древней лавры св. Харитона. Основана была лавра эта около 300 года св. Харитоном, — пишет о. Серафим. — Здесь существует и поныне пещера в отвесной скале. Доступ до нее очень трудный. Сама по себе пещера имеет вид комнат, соединенных между собой просеченными в камне дверями, и освещается просеченными окнами. Самая большая комната имеет размер около 12 аршин длины и 10 аршин ширины, в ней предполагают, что была церковь. Под этой большой комнатой находится усыпальница, и в стенах ее имеется несколько погребальных склепов, наглухо заложенных; в одном из них предполагают покоится и тело св. Харитона исповедника, так как он завещал еще при жизни погребсти его в первом своем монастыре. Давно замолкло в этих чудных пещерах божественное песнопение; но жизнь их сияет ярким светом, как звезды на лазури небесной и как бы таинственно нам звучит: пора возобновить сию чудную пещерную лавру, почтить память отцов и подвижников, почивающих здесь»⁴⁰.

Весной 1911 года в лавре преп. Харитона побывал иеромонах Маркиан (Попов). В своих паломнических заметках он упоминает о тех препятствиях, которые чинили греки русским инокам, возрождавшим из руин древнюю обитель. «Фаранская лавра находится между двумя горами, как бы в какой расселине, или в ущелье; афонские иноки соорудили несколько домиков, а в пещере, где начало полагал преподобный Харитон, устроено вроде церкви, — пишет о. Маркиан. — Грекам ужасно не нравится, что русские приобрели это место, благодаря содействию и влиянию покойного консула Яковлева. Между прочим, это место было в запустении несколько сот лет; они, то есть греки, за это на патриарха Дамиана гневались: зачем он, не спрося их, разрешил афонским монахам поселиться на Фаре, — и теперь ни под каким видом не разрешают построить церковь. Для наблюдения за русскими монахами даже поселили невдалеке одного монаха-грека, чтобы он доносил им, что тут делается. Уди-

³⁸ Занемонец Александр, диакон. Указ. соч. С. 150.

³⁹ Там же. С. 150.

⁴⁰ Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 103.

вительная боязнь и неприязнь к русским! На дне ущелья течет ручеек прекрасной чистой воды, и многие приписывают ему чудесную силу и по вере получают исцеление»⁴¹.

В 1913 году тогдашний начальник РДМ архимандрит Леонид (Сенцов) «возбудил дело относительно принятия в заведование Миссии от афонских монахов так называемой „Лавры св. Харитона“»⁴². Отец Леонид никогда не причислял устроение Фаранской обители к числу своих достижений, приписывая эту заслугу выходцам с Афона. Но, скорее всего, дело не обошлось без его участия, по крайней мере, в том, что касалось сложной ситуации в отношениях с Иерусалимским патриархатом. Так или иначе, именно в его время здесь создавался русский мужской монастырь. Трудями о. Леонида был приобретен участок в селении Анаты — родины пророка Иеремии — и выстроен домик для небольшого числа паломников, посещавших лавру Св. Харитона; все это было окружено каменной оградой⁴³. (В настоящее время обитель принадлежит Русской православной церкви за границей.)

...Незадолго до начала Второй мировой войны обитель подверглась пожару. Из афонской братии остался один инок, о. Герасим, который потрудился снова привести обитель в порядок, своими руками добывал нужный материал и плотничал⁴⁴. Больше двух десятков лет прожил он в монастыре одиноким пустынником. Собственными руками возобновил церковь и несколько келий после поджога монастыря неизвестными злоумышленниками, даже материал для постройки он подносил на своих плечах из Иерусалима, от которого Фаранская лавра находится в двух часах пути. Старость и болезни заставили о. Герасима в конце 1940-х — начале 1950-х годов переселиться на Елеон, но он по 2—3 раза в месяц наведывался в дорогу ему обитель⁴⁵.

Община просуществовала до середины XX века. Большая часть ее первых насельников упокоилась на Елеоне. Во время арабо-израильских войн монастырь был разрушен, и до 1990-х годов лишь несколько раз в год духовенство Русской зарубежной миссии совершало здесь литургию прямо на развалинах. На рубеже XX—XXI веков монастырь был возрожден и отстроен трудами одного монаха — о. Харитона. В скиту два храма: один пещерный, восходящий еще к византийскому времени, а второй — новопостроенный Николо-Никольский храм — в честь святителя Николая и царя-мученика⁴⁶. В наше время Эйн-Фара — один из двух русских скитов на Святой Земле, вместе с Троицким скитом в Хевроне у Мамврийского дуба.

Храмы обители

В первый период своего существования обитель располагалась прямо в отвесной скале, высящейся слева от входа. Там, на высоте 10—12 метров, видны дверь и по обе стороны от нее окна пещер. Чуть ниже выступает площадка — почти естественный балкон, 2 метра шириной и 4 метра длиной; в его восточном углу имеется круглое отверстие, через которое только и можно проникнуть в пещеру. По-видимому, когда там жили разбойники, через это отверстие спускалась веревочная лестница, и этот

⁴¹ Маркиан (Попов), иером. Путешествие в Палестину, на Афон и по России в 1911 году // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1. 2012. С. 225.

⁴² Отчет по ревизии денежного и материального хозяйства и по обозрению недвижимых имуществ, счетоводства и отчетности Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. 4 ноября 1914 г. // Богословские труды, № 36, М., 2001. С. 275.

⁴³ Занемонец Александр, диакон. Русские на Святой Земле. Иерусалим, 2015. С. 151—152.

⁴⁴ Святая Земля. Париж, 1961. С. 141.

⁴⁵ Серафим, епископ. Паломничество из Нью-Йорка в Святую Землю. Нью-Йорк, б/г. С. 149.

⁴⁶ Занемонец Александр, диакон. Указ. соч. С. 280.

трудный доступ в их жилище сохранял в целости награбленное ими добро, которое в изобилии нашел в пещере преп. Харитон по смерти разбойников.

В память о древних подвижниках подъем к этому своеобразному входу и теперь осуществляется с помощью деревянной приставной лесенки в 3 метра высотой. Но чтобы добраться до нее, по уступам и обломкам сделаны надежные бетонные ступени. Наверху площадки еще 6 выбитых в скале ступеней ведут к двери, через которую можно пройти в маленькую пещерку, где афонскими иноками установлены 3 небольших колокола. Далее, через дверь налево, входим в главную пещеру, где преп. Харитон освободился от разбойников и создал церковь, посвященную теперь его имени⁴⁷.

В. Н. Хитрово: «Пещера эта имеет вид правильно обделанных комнат, соединенных между собой просеченными в камне дверями, и освещается также просеченными в ущелье над Фаранским потоком окнами. Самая большая из этих комнат, западная, имеет 12 шагов в длину и 10 в ширину; она служила, вероятно, церковью, чему доказательством служат две ниши; на восточной стене видны следы штукатурки, а на западной стене в углу начертано изображение креста. Предположение, что эта комната служила церковью, подтверждается еще тем, что у северной стены ее в полу проделан спуск в находящуюся как раз под этой комнатой усыпальницу, представляющую из себя небольшую овальную пещеру; в стенах этой пещеры имеется несколько погребальных склепов, наглухо заложенных; в одном из них, по всей вероятности, покоится и св. Харитон Исповедник среди своих духовных чад»⁴⁸.

Для алтаря отведен восточный угол, рядом со входом: простой иконостас работы афонских монахов отделяет его от обработанной наподобие комнаты пещеры. До закопченного многими всенощными бдениями потолка можно достать рукой. Днем достаточно света проливается через три окна, теперь застекленных. Нет сведений, кому посвящена была церковь во времена преподобного; теперь она посвящена его имени⁴⁹. В день памяти преподобного, 28 сентября, здесь совершается праздничное богослужение.

Рядом с малой пещеркой, где звонница, вплотную к ней прилегает другая, вход в которую ведет также снаружи, с последней ступени. Там в двух каменных ковчезцах хранятся кости подвизавшихся здесь святых угодников. Более поздние постройки находятся у подножия отвесной скалы. В двух местах под открытым небом можно видеть мозаику: одна из них, у западной стены обители, выложена в форме круга, как бы являясь полом круглой часовни. Современные здания приютились в углублении скалы, под природным навесом⁵⁰. В двухэтажном домике помещаются часовня-трапезная, освященная во имя святителя Николая Чудотворца, с небольшим деревянным куполом на стропилах, две иноческие кельи и служебные помещения. Русской собственностью является и небольшой участок земли наверху скалы, над лаврой, где разбит масличный сад⁵¹.

В противоположной стене ущелья находится, среди многих других, пещера преп. Кириака-отшельника, который подвизался здесь веком позже. Малая дверь и круглое окно на головокружительной высоте приписываются его обиталищу. В связи с трудной доступностью этого места преп. Кириаку посвящена церковка на дне ущелья, основанная иноками Иерусалимской патриархии в начале XX века — «в пику» русским пришельцам. Неподалеку, заключенный в бетонную плотину, находится и сам Мышинный источник, вызвавший в свое время такие церковно-дипломатические бури⁵².

⁴⁷ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 288; Святая Земля. Париж, 1961. С. 142.

⁴⁸ Хитрово В. Н. Русские паломники Святой Земли. СПб., 1905. С. 239.

⁴⁹ Святая Земля. Париж, 1961. С. 142.

⁵⁰ Там же. С. 143.

⁵¹ Лисовой Николай. Указ. Соч. С. 288.

⁵² Лисовой Николай. Указ. соч. С. 288; Святая Земля. Париж, 1961. С. 143.

Обитель преп. Харитона в записках епископа Серафима (США) (1952 г.)

Свернув с хорошей дороги, наш автомобиль поехал по очень плохому проселку и остановился у водокачки, недавно построенной и снабжающей по трубам очень хорошей водой Иерусалим, главным образом, государственные учреждения. От водокачки до Лавры около километра. Дорога очень тяжелая по едва заметной горной тропинке. Бедная матушка игумения Тамара едва-едва одолела этот трудный путь.

Отец Герасим легкой, привычной походкой быстро опередил нас, затеплил лампы и свечи в церкви и встретил с честью колокольным звоном не то в один, не то в два маленьких колокольчика. В церковь можно подняться только по приставной деревянной лесенке, так ведется от времен преподобного Харитона. В лесенке, по крайней мере, десяток перекладин, как на второй этаж дома. В детстве я неплохо лазал. Пришлось тряхнуть стариной. Лесенка ветхая, дрожит, вот-вот сломается. Нет к ней доверия, и ощущение не очень приятное, но вот, слава Богу, верхняя ступень и протянутая рука о. Герасима взбравшегося раньше.

Темная, прокопченная тысячелетней свечной копотью пещерка-церковка. Ей 1600 лет. Она целиком возобновлена о. Герасимом и притом единолично. Как муравей, он на своем горбу перенес постепенно (строительный) материал из Иерусалима, поднял его на веревке в эту пещерку и тут же на месте все сколотил и приладил. Церковь, как церковь: иконостас, престол, жертвенник, подсвечники, лампы у икон. Все, конечно, самое простенькое, чтобы не польстились воры, но сделано складно, с великим терпением и любовью. Отец Герасим успел зажечь все светильники. От них потеплела церковка. Намоленная она за 16 веков долгой монашеской, подвижнической молитвы. Отпели и мы в ней молебное пение вместе с архимандритом Димитрием, не без труда одолевшим лесенку.

Матушка игумения Тамара с матерью Феоктистой остались внизу и там слушали молебен. Помолвились мы прежде всего о многострадальной Родине нашей, о благодетелях, о всех иночествующих ныне явно и тайно (там в России). Гулко отражали стены пещерки наше пение. Как жаль, что такой славный древний очаг молитвы и прибежище спасающихся иноков ныне пуст и безмолвен. Монахиням в этой дикой пустыне не выжить, а монахов русских в Палестине один, два и обчелся. Осторожно мы спустились по лесенке, в ночную тьму, полюбовались на звездное небо, которое показалось мне в этот момент особенно прекрасным, и направились в монастырскую трапезную.

Это — полупещера, полустроение, довольно обширное, человек на 12, тоже плод возобновительных трудов о. Герасима. Мать Феоктиста с о. Герасимом быстро вскипятили чай и разложили на столе захваченную с собой незатейливую снедь. И это место свято. Сколько святых подвижников в благоговейном молчании подкрепляло здесь свою изможденную плоть под равномерное бесстрастное чтение житий святых учиненным чтением. С грустью мы расстались с Фаранской Лаврой, славной своей историей и такой теперь беспризорной⁵³.

Вот как выглядела обитель преп. Харитона в конце 1950-х годов: «Тропинка приводит к отвесной стене ущелья, высотой до 50 метров, у подножия которой невысокими стенами отгорожено русское место. Скромный крест высится над железными воротами: это вход в обитель. Двери всегда под ключом, так как там никто не живет. За стенами сад, посаженный по уступам, образовавшимся, видимо, на прежних развалинах. Первыми близ входа видны развалины бывшей церкви, судя по остаткам колонн. Вправо к обрыву подземная гробница: это место погребения преп. Харитона. Она снабжена дверцей и двумя окошками; внутри над надгробием горит перед иконой лампада. Начальник Миссии посещает обитель в день памяти

⁵³ Серафим, епископ. Паломничество из Нью-Йорка в Святую Землю. Нью-Йорк, б/г. С. 149–150.

преп. Харитона 28 сентября для совершения богослужения; наблюдающий иеромонах бывает по несколько дней раз в месяц»⁵⁴.

Из записок инокини Наталии (Горненская обитель) (1985 г.)

Путешествие мы совершили накануне Великого поста впятером. В обители препод. Харитона мы никогда не бывали, только слышали, что это была очень славная обитель, рядом был русский храм, но в настоящее время все разрушено. Моя мать Мария вспоминает, что в русском храме была необыкновенная икона преп. Харитона («как живая») и еще добавляет, что нигде не было так хорошо, как у преп. Харитона. Действительно, когда мы доехали до местечка Эйнфарра и машина дальше не могла ехать, мы пошли пешком, и нас удивило это место. Горы величественные и мягкие (как и другие горы в Палестине) вдруг резко и круто начинают спускаться в дивную долину, по которой течет источник преп. Харитона, а сам монастырь находится левее, скрытый в горном ущелье. Он, действительно, оказался разрушенным, но хранящим святость и благодать. Поднимались в пещерный храм, спускались к источнику, который начал бить по молитвам преподобного и в нем купались, и в пещере-гроте, откуда начинается источник. Вода была теплая и благодатная. Она очень сильно и из нескольких мест бьет из-под земли и течет по всему Иерихонскому потоку до самого Иерихона⁵⁵.

...Прошли годы, и в 2011 году появилось обнадеживающее сообщение о монастыре преп. Харитона: «Теперь это одно из немногих мест на Святой Земле, где слышна русская речь. Батюшка Харитон живет в монастыре один. Он и служит, и паломников принимает, и восстанавливает потихоньку церковь и пещеру св. Харитона. Но сказать, что в обители нет ни одной живой души нельзя. Есть добродушный пес, любопытный кот да говорливые птички в клетках. А вокруг — вечные, неприступные, молчаливые горы, свидетели человеческих страстей и их усмирения»⁵⁶. Над священным местом царит тишина, та безмолвная тишина, которую так искали и возлюбили спасавшиеся здесь пустынноики.

⁵⁴ Святая Земля. Париж. 1961, С. 140—142.

⁵⁵ Наталия, инокиня. Русский Иерусалим. Письма русской инокини со Святой Земли (1983—1989 гг.) СПб., 1996. С. 117.

⁵⁶ <http://arigolda.livejournal.com/7394.html> Nov. 7th, 2011.